

О движущих силах экономического развития в древние эпохи (по урало-сибирским материалам)

Согласно марксистской концепции социально-экономического развития, содержание той или иной общественно-экономической формации определяется способом производства, в основе которого лежит динамичное сочетание производительных сил и производственных отношений. «Способ производства материальной жизни,— отмечал К. Маркс,— обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще... На известной ступени своего развития материальные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которой они развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»¹. Таким образом, изменение способа производства и вслед за этим смена общественно-экономической формации есть акт приведения в соответствие производственных отношений с далеко обогнавшими их производительными силами.

Из вышеизложенного следует, что внутри определенного способа производства производительные силы, развиваясь, все более опережают производственные отношения, которые могут долгое время не менять своей качественной определенности. Так, в рамках первобытнообщинных производственных отношений на урало-западносибирской территории сменилось несколько историко-археологических эпох (палеолит, мезолит, неолит, энеолит), отражающих качественно разные этапы развития производительных сил. За это время к традиционным охотничье-собираТЕЛЬСКИМ занятиям добавились рыболовство, мотыжное земледелие, пастушество, нередко выступавшие комплексно, в разных сочетаниях. Менялись каменные индустрии, изобретались новые категории орудий, совершенствовались способы ведения хозяйства. В этой связи встает вопрос: чем стимулировалось развитие производительных сил?

Главным стимулирующим фактором развития производи-

тельных сил в древности были, судя по всему, периодические кризисы, связанные с перенаселениями. К. Маркс неоднократно касался этого фактора в связи с исследованием причин древних миграций. Он исходил из тезиса, что обострение проблемы перенаселенности, сопровождавшееся давлением избытка населения на производительные силы, являлось главным стимулом древних миграционных процессов². Вместе с тем К. Маркс признавал, что кризисные ситуации, возникавшие вследствие перенаселенности и давления избытка населения на производительные силы, могли разрешаться и другим путем, а именно переходом на иной уровень экономики. «Производительность,— писал он,— может быть увеличена на прежней площади путем развития производительных сил»³. Этот, более активный по сравнению с миграцией, путь решения проблемы перенаселенности засвидетельствован многими этнографическими данными.

«Жизнь со своим пастушеством,— сообщал С. Сайдалин о тургайских казахах,— не уступит места оседлости до тех пор, пока с естественным приращением киргизского (т. е. казахского.— М. К.) населения не почувствуется крайняя теснота вместо прежнего простора в степи»⁴. Такая же закономерность наблюдалась в прошлом столетии у забайкальских бурят. «Самым сильным фактором,— отмечал М. А. Кроль,— грозящим в конце концов подорвать кочевой быт даже таких бурят, как агинские и эравинские, является рост их населения. Под влиянием этого фактора закаменские буряты, звероловы, мало-помалу обращаются к скотоводству и земледелию; рост же населения заставил большинство бурят, живущих по нижнему течению Хилка, по р. Уде, Селенге и пр., приняться серьезно за хлебопашество и отводить ему в своем хозяйстве место не менее важное, а порой и более важное, нежели скотоводству»⁵.

Известные дореволюционные этнографы А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков обратили внимание, что минусинские и ачинские турки-скотоводы, пытаясь преодолеть «земельную тесноту», или по примеру русских крестьян-переселенцев сокращали поголовье скота и переходили к земледелию, или уходили в слабозаселенные районы Саян, где можно было по-прежнему заниматься кочевым скотоводством⁶. Здесь налицо два варианта решения проблемы перенаселенности: переход на новый уровень экономики и миграция.

Археологические и этнографические данные свидетельствуют о том, что давление избытка населения на производительные силы действовало особенно жестко при резких изменениях географического окружения в результате периодических климатических колебаний или эпизодических стихийных бедствий — засух, наводнений, лесных пожаров, гололеда и пр., когда сильно, порой в несколько раз, уменьшалась продуктивность полей, пастбищ, охотничье-рыболовческих угодий, вследствие чего на той же земле могло прокормиться гораздо меньше лю-

дей, чем прежде. В такие годы активизировался поиск новых способов хозяйственной адаптации. «После суровой зимы 1879—1880 гг.,— писал М. Леваневский о казахах Эмбинской степи,— ...киргизы (казахи.— М. К.), имеющие землю, начали прикрепляться к ней, занялись посевами хлебов и стали оставаться, готовя запасы сена на зиму, на своих земельных участках. При таких условиях у них появилась потребность часть верблюдов или лошадей заменить рогатым скотом, баранами и козами»⁷.

В тех случаях, когда поиск новых хозяйственных возможностей не имел перспективы, «лишнее» население стремилось уйти из голодных мест в более благополучные районы. Нам представляется очевидным, что «миграционный взрыв» бронзового века в степях Срединного региона, в частности переселения степных пастухов-земледельцев (прежде всего федоровцев) в предтаежные области Западной Сибири и в предгорья Алтае-Саян и Тянь-Шаня, был в значительной мере обусловлен частыми засухами ксерического периода, который, как полагают специалисты, совпал по времени с андроновской эпохой. Однако часть степняков, в основном потомки носителей алакульской культуры, смогли разрешить кризис на месте, в пределах степной территории, путем перехода от пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству. Таким образом, и здесь мы видим два пути выхода из кризисной ситуации, связанной с обострением проблемы перенаселенности: миграцию и переход к другой форме хозяйства.

Для понимания механизма хозяйственных трансформаций древности весьма существенно то обстоятельство, что в таежной и тундровой зонах существовали, по сравнению со степью, не такие широкие возможности поиска нетрадиционных форм хозяйственной деятельности. Именно поэтому на севере таежной полосы с каменного века до этнографической современности население жило традиционным охотничье-рыболовческим бытом, тогда как в тоболо-иртышских степях в течение этого времени существовали, последовательно сменяя друг друга, несколько хозяйственных типов: охотничье и охотничье-рыболовческое хозяйство (каменный век), многоотраслевое хозяйство, соединявшее присваивающие промыслы и производящие отрасли (энеолит), пастушеско-земледельческое хозяйство (эпоха бронзы), кочевое скотоводство (железный век).

Более высокая хозяйственная перспективность степей в сравнении с тайгой подтверждается данными об исторических последствиях миграций из тайги в степь. Известно, что северо-таежное население кулайской культуры, придя в эпоху раннего железа в лесостепное Приобье, перешло к многоотраслевой экономике, сочетавшей охотничье-рыболовческие занятия со скотоводством и, возможно, с земледелием. Примерно такая же хозяйственная метаморфоза произошла с населением га-

маянской культуры после того, как оно покинуло Нижнее Приобье и освоило южнотаежное Зауралье. Вспомним в этой связи о разных исторических судьбах угроязычных этносов. Те угры, которым удалось закрепиться в районах, удобных для скотоводства и земледелия, стали многочисленным и сильным народом и, уйдя впоследствии в Паннонию, основали венгерское государство. Другие угроязычные группы, предки нынешних ханты и манси, жившие в таежной зоне и продолжавшие вести охотничье-рыболовческий образ жизни, были весьма малочисленны и ко времени, когда они стали изучаться этнографически, во многом оставались на уровне первобытности. В степях фактор давления избытка населения на производительные силы имел больше шансов привести к радикальным изменениям в экономике, в тайге эти шансы были минимальны.

Итак, главным стимулом развития производительных сил на уровне смены хозяйственных типов и хозяйственных традиций (внутри того или иного способа производства) было давление на производительные силы избытка населения. Действие этого фактора проявлялось примерно в такой последовательности: темпы роста численности населения опережают трофические возможности производительных сил; это время от времени приводит к резкому обострению проблемы перенаселенности; возникающие кризисные ситуации разрешаются или миграцией, или переходом на другой уровень экономики.

При неблагоприятных экологических и исторических обстоятельствах кризис мог закончиться снижением уровня производительных сил, что археологически обычно воспринимается как «упадок» культуры. В таких случаях закон давления избытка населения на производительные силы срабатывал в своей обратной связи — происходило давление снижающегося уровня производительных сил на избыток населения. В результате уменьшалась плотность населения, упрощался социально-экономический уклад. Чаще всего подобные трансформации происходили при переселениях из районов производящей экономики в районы присваивающей — таежные и тундровые области. Так, южные андроновские группы, внедрившись в конце II тыс. до н. э. в таежные районы Обь-Иртышья, постепенно утратили или почти утратили навыки пастушеско-земледельческих занятий, смешались с местным населением и стали жить архаичным охотничье-рыболовческим бытом.

Следует еще раз подчеркнуть, что фактор давления избытка населения на производительные силы как двигатель экономического развития четче всего проявлялся при смене хозяйственных типов, обозначающей наиболее заметные вехи экономического прогресса. Но ведь производительные силы развивались и в рамках определенных хозяйственных типов, что выражалось в усовершенствовании и обогащении тех или иных сторон производственного процесса. Каковы же стимулы развития про-

изводительных сил на этом уровне? В поисках ответа на заданный вопрос трудно избежать соблазна вновь обратиться к проблеме перенаселенности и к фактору давления избытка населения на производительные силы. Однако такое объяснение было бы правомерным лишь применительно к отдельным проявлениям развития хозяйственных типов, в целом же оно сузило бы наши исследовательские возможности. На самом деле, какую связь с обострением проблемы перенаселенности можно усмотреть, например, в изобретении одежды и искусственных жилищ (палеолит), глиняной посуды (неолит), колесного транспорта (энеолит), стремян (железный век) и т. д.?

В то же время развитие, скажем, сенокосения у кочевников Казахстана в XIX в. было в значительной мере вызвано участвовавшими джутами, уничтожавшими зимой большое количество скота, что приводило к резким обострениям проблемы перенаселенности, т. е. к кризисным ситуациям, рассмотренным нами выше в связи со сменой хозяйственных типов и хозяйственных традиций. Однако подобные хозяйственные улучшения сами по себе не столь значимы, чтобы воспринимать их как экономические «скачки», хотя они и вносят свой вклад в подготовку будущих радикальных экономических перемен. В широкой социально-экономической перспективе эти рационализаторские внедрения отражают «повседневность» развития производительных сил.

В целом такие хозяйственные улучшения, как изобретение глиняной посуды, развитие сенокосения и пр., удобней и правомерней рассматривать как результат разумного стремления к удовлетворению текущих хозяйственно-бытовых нужд. У философов названный стимулирующий фактор принято называть разумной потребностью⁸. Природу этого стимула хорошо выразил К. Маркс, который отмечал: «Пока потребность человека не удовлетворена, он находится в состоянии недовольства своими потребностями, а стало быть и самим собой»⁹. Вместе с тем К. Маркс оговаривал, что сами потребности, их содержание и возможности реализации зависят от экологических условий региона и от уровня развития общества. «Сами естественные потребности,— писал он,— как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от климата и других природных особенностей той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны»¹⁰.

За последние 5 тыс. лет на территории урало-сибирской тайги в рамках охотничьей хозяйственной традиции было сделано, на наш взгляд, лишь два крупных открытия, позволивших существенно интенсифицировать охотничий промысел. Мы имеем в виду изобретение лыж и нарт (около рубежа неолита и

бронзового века) и использование оленя в транспортных целях (раннее средневековье). При охотничьих занятиях в тайге возможности развития промыслового инвентаря и введения новых способов добычи зверя были весьма ограничены, прежде всего из-за ограниченности таежной зоомассы, что определяло довольно строгий предел объема промысловой добычи, а следовательно, и роста численности населения.

Ко времени прихода русских плотность таежных западно-сибирских аборигенов — ханты, манси, селькупы — составляла приблизительно человек на 30—40 км². В условиях охотничьего и охотничье-рыболовческого быта даже усовершенствование охотничьего инвентаря не могло привести к значительному увеличению численности людей. Скорее наоборот, изобретение более эффективных приемов охоты вызвало бы сокращение промысловых животных, что повлекло бы за собой угрозу голода и вымирания. Отсюда консервативность материальной культуры таежных сибирских аборигенов, неоднократно отмеченная археологами и этнографами. Эта консервативность, касающаяся главным образом охотничьего промыслового инвентаря, была одним из условий существования древних людей в тайге, и нарушение этого условия могло привести к отрицательным последствиям.

Степь давала в этом отношении гораздо лучшие возможности, что видно на примерах из истории скотоводческих занятий. Большинство мер, предпринимавшихся степняками для интенсификации животноводства, было связано с расширением площади и повышением продуктивности пастбищных угодий. Самый древний способ улучшения пастбищ — выжигание весной сухой прошлогодней травы. «Дело состоит в следующем, — объясняет необходимость весеннего пала в степях Э. А. Эверсманн. — Сухая трава и стебли, оставшиеся еще с осени, покрывают плодородные степи так густо, что частью не дают пробиться молодой траве, а частью мешают пастьбе скота, который из-за ветоши не может достать зелени и принужден поедать то и другое вместе. По сей причине не только народы кочевые, но и хлебопахотные зажигают степи ранней весной, лишь только снег сойдет и погода начнет теплеть. Прошлогодняя трава, или ветошь, быстро загорается, и пламя течет по ветру, доколе находит себе пищу. Пуская пал, всегда соображаются с ветром, чтобы направить пламя в желаемую сторону... Там, где пал обошел случайно некоторые места, последние с трудом порастают травой, между тем как выжженное пространство давно красуется роскошной и густой зеленью»¹¹.

Есть основания предполагать, что этот способ повышения продуктивности степных пастбищ был изобретен еще в эпоху камня охотниками на степных копытных. Во всяком случае, такой прием улучшения пастбищных угодий для привлечения стад кенгуру использовали до недавних пор австралийские або-

ригены, жившие на стадии каменного века. Одно из наиболее ранних письменных свидетельств о степных палах мы находим в сочинениях Геродота, где упоминается об уничтожении степного травостоя скифами во время знаменитого похода в Скифию персидского царя Дария I Гистаспа (514 г. до н. э.)¹². Правда, эта мера была предпринята скифами не с целью улучшения пастбищ, а напротив, чтобы погубить траву и тем самым затруднить продвижение конницы персов, но здесь важно то, что идея степного пала была скифам хорошо известна.

Другим важным достижением степняков было изобретение колодцев. Это событие относится к эпохе бронзы. Колодцы стали особенно необходимы со второй половины бронзового века, когда в связи с возрастающей засушливостью климата сократилось количество естественных водных источников. Сначала они копались на поселениях, обычно прямо в жилищах (Тасты-Бутак в Западном Казахстане, Черемуховый Куст на юге Тюменской обл., Тюбяк в Южной Башкирии и др.), и использовались в основном зимой при стойловом содержании скота, но с переходом к кочевничеству их делают главным образом в безводных междуречьях с целью расширения летних пастбищных угодий. В железном веке колодцы в аридном поясе Евразии стали обязательной и неотъемлемой частью степного ландшафта. Скифы, по Геродоту, во время войны с персами, отступая, «засыпали колодцы и источники»¹³. По этнографическим данным, кочевничество в сухих степях и полупустынях, не говоря уже о пустынях, было практически невозможно, если там не было колодцев.

Крупным вкладом в рационализацию скотоводческих занятий в степях явилась заготовка кормов для скота на зиму, получившая развитие в эпоху бронзы. Необходимость этого была вызвана тем, что у пастушеско-земледельческого населения бронзового века преобладал в стаде крупный рогатый скот, не умеющий добывать корм из-под снега. Наряду с сенокошением в лесостепной полосе и на севере степной зоны практиковался еще один прием фуражирования — подкормка скота зимой древесными ветками. Не исключено, однако, что этот способ появился позже, во времена кочевничества. Во всяком случае, в новое время к зимней заготовке древесного корма прибегали в основном «чистые» кочевники. Когда из-за вьюг и глубоких снегов скот не мог пастись в степи, они рубили для него молодые деревья и ветки больших, преимущественно вяза и карагача. С переходом к кочевничеству сенокошение было временно забыто, но после особенно тяжелых зимних бескормиц, когда в степях погибало много скота, кочевники время от времени вновь обращались к сенокошению. Западные казахи в очердной раз вспомнили о нем после страшного джута 1827 г. «С тех пор,— комментирует это событие И. П. Корнилов,— киргизы (казахи.— М. К.), наученные горьким опытом... стали запасать

на зиму сено и некоторые делают для скота крытые загоны»¹⁴.

Во многих местах скотоводы пытались достичь благополучия за счет повышения продуктивности пастбищных и сенокосных угодий. «Якуты,— писал в конце прошлого столетия известный этнограф и писатель В. Л. Серошевский,— нередко искусственно спускают озера. За самые лучшие места для поселения считаются озера не совсем еще сплывшие, а настолько понизившие свой уровень, что кругом их образовался луговой воротник»¹⁵. В 1840 г. группа казахов Внутренней (Букеевской) орды, жившая на юге Самарской губернии, устроила плотину с искусственным стоком, в результате чего были созданы богатейшие сенокосы площадью 1000 десятин¹⁶.

У ряда южносибирских скотоводческих групп были отмечены попытки интенсифицировать животноводство путем введения в него элементов земледельческой культуры. «Чтобы увеличить урожайность трав на зимниках,— сообщал в 1880-х гг. И. Каратанов о скотоводах Хакасско-Минусинской котловины,— инородцы искусственно орошают поля посредством канав, выведенных из рек; эти канавы называются мочагами»¹⁷. У бурят в некоторых местах практиковались удобрение и ирригация сенокосов. Система их орошения была в целом аналогична оросительной системе земледельческих оазисов на юге аридного пояса: речка или ручей перегораживались плотиной, вода отводилась по магистральному каналу, идущему вдоль реки краем низкой террасы, от него проводились канавы, подающие воду на отдельные сенокосные участки. Это позволяло содержать на сравнительно малой площади большое количество скота¹⁸.

Кочевничество в южносибирских степях, наверное, не смогло бы утвердиться, если бы степняки не изобрели простую, но очень рациональную систему зимнего выпаса скота — тебеневку, которая заключалась в следующем: «Передний отряд стада составляют обыкновенно лошади, которые как цельнокопытные прекрасно справляются со снегом и весьма скоро вспашут, так сказать, снежное поле. За ними пускают рогатый скот, потом овцу и, наконец, верблюда, которому с его мягкими ногами пришлось бы очень плохо без лошади и овцы, зато он и довольствуется всякими объедками, не брезгуя ни камышом, ни даже колючкой»¹⁹.

Такой способ зимней пастбы особенно часто применялся в многоснежные зимы. В Монголии, по В. Л. Серошевскому, «в богатые осадками зимы, когда корм сплошь покрыт снегом, на пастбища здешние кочевники выпускают прежде лошадей; их гоняют с места на место, не позволяя съесть выстебленного копытами из-под снега корма, после чего пускают на взрытое поле рогатый скот, а затем — овец. Конечно, такое сотрудничество тяжело отзывалось прежде всего на лошадях, и их относительно должно быть много больше, чем рогатого скота»²⁰.

Вообще кочевничество в Южной Сибири могло существовать лишь при большом или значительном количестве конного скота. Снижение у степняков численности лошадей и увеличение доли крупного рогатого скота — верный признак тенденции к оседлости. В таких случаях повышалась роль сенокосения и предпринимались другие меры по зимнему содержанию скота (устройство загонов и т. д.). Там, где лошадей было мало, а сена запасалось недостаточно, в многоснежные зимы приходилось разгребать снег лопатами, чтобы облегчить коровам и овцам доступ к подножному корму. По свидетельству Б. Д. Даулбаева, один хороший работник прокармливал таким образом за день до 100 баранов и до 20 коров²¹.

Преимущество скотоводства перед охотой состояло, кроме всего прочего, в том, что скотоводы имели определенные возможности для регулирования численности и состава стада, а также для увеличения приплода и сохранения молодняка. Жеребят, родившихся весной, казахи начинали отлучать от маток в сентябре, надевая им на морду деревянные рогатки. Это приучало их к подножному корму и повышало выживаемость в зимнее время. Любопытны меры, которые предпринимались степняками для сохранения ягнят. «Баранов спускают в октябре, — писал об омских казаках в 1827 г. сотник Махонин, — весною же и летом удерживают от того, подвязывая под брюхо баранам кошмы для того, чтобы к зиме ягнят не было, ибо большого количества оных в холодное время года не имеют, где сохранить. Овцы ягнятся по теплу, так что к зиме ягнята бывают полугодовые и зимуют на подножном корму без всякой нужды»²².

Приведенные примеры подтверждают вышевысказанный тезис, что степь, во всяком случае с энеолитической эпохи, давала по сравнению с таежной зоной более широкие и разносторонние возможности для поиска путей к удовлетворению необходимых потребностей. В целом же изложенные материалы свидетельствуют о том, что развитие производительных сил в прошлом обеспечивалось двумя разноуровневыми факторами. Первый из них — разумное стремление к удовлетворению насущных хозяйственно-бытовых нужд, что выражалось в развитии и совершенствовании конкретного хозяйственного типа. Здесь в основе развития производительных сил лежит противоречие между возрастающими разумными потребностями и недостаточным для их удовлетворения уровнем производства.

Второй фактор — давление избытка населения на производительные силы, что подводило людей к необходимости смены или радикальной перестройки прежнего хозяйственного типа. Здесь в основе развития лежит противоречие между относительно медленными темпами развития производительных сил и сравнительно быстрыми темпами роста численности населения. Если на первом уровне производственные отношения были в

состоянии приспосабливаться к требованиям производительных сил, не меняя при этом своей сути, то на втором уровне проявлялась тенденция к нарастанию несоответствия между производительными силами и производственными отношениями, которое в рамках того или иного способа производства разрешалось или, точнее, временно подавлялось заменой одного хозяйственного типа другим.

В сущности, первый уровень развития производительных сил отражает количественное накопление положительного производственного опыта, тогда как второй уровень фиксирует реализацию накопленного опыта в новое качественное состояние. Однако между этими двумя уровнями нет четкой границы. Внедрение, например, в кочевое скотоводство таких элементов оседлой культуры, как сенокосение, ирригация пастбищных угодий, можно, с одной стороны, воспринимать как накопление положительного производственного опыта в рамках традиционного хозяйственного типа, а с другой стороны, упомянутые достижения можно квалифицировать и как начало перехода к качественно новому экономическому состоянию — от кочевничества к оседлости.

С переходом на новый уровень экономики возникали новые необходимые потребности, начинались поиски новых способов их удовлетворения, накапливался новый положительный производственный опыт, открывающий путь к более высокому качественному состоянию — и так цикл за циклом, спираль за спиралью, все выше и выше. В этом, собственно, и проявляется диалектика развития.

¹ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

² См.: Маркс К. Вынужденная миграция // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 568.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. С. 483.

⁴ Сайдалин С. О развитии хлебопашества по бассейну Тургая // Зап. Оренбург. отд. ИРГО. 1870. Вып. 1. С. 237.

⁵ Кроль М. А. Предварительный отчет о работах по исследованию байкальских бурят за период с 1892—1895 гг. // Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО. 1896. Т. 25. № 4/5. С. 180.

⁶ См.: Кузнецова А. А., Кулаков П. Е. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1896. С. 30.

⁷ Леваневский М. К. Очерки киргизских степей к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // Землеведение. 1894. Кн. 4.

⁸ См., напр.: Садыков Ф. В. Критерий разумных потребностей личности // ВФ. 1985. № 1.

⁹ Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 378.

¹⁰ Маркс К. Капитал. Т. 1. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 182.

¹¹ Эверсманн Э. А. Естественная история Оренбургского края // Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсманна, С. С. Неустроева. М., 1949. С. 218.

- ¹² См.: *Геродот. История*: В 9 кн. Л., 1972. С. 217.
- ¹³ См.: *Геродот. История*. С. 217.
- ¹⁴ *Корнилов И. П.* Заметки об Астраханской губернии // *Вестн. ИРГО*. Кн. 9—12. № 27. С. 4.
- ¹⁵ *Серошевский В. Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. С. 18.
- ¹⁶ См.: Опыт искусственного орошения в Киргизских степях // *Изв. ИРГО*. 1880. Т. 16. Вып. 4. С. 43.
- ¹⁷ *Каратанов И.* Черты внешнего быта качинских татар // *Изв. ИРГО*. 1886. Т. 21. Вып. 6. С. 619.
- ¹⁸ См.: *Кулаков П. Е.* Ольхон, хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств Верхотурского округа Иркутской области // *Зап. ИРГО по отделению статистики*. 1898. Т. 8. Вып. 1.
- ¹⁹ *Терентьев М. А.* Статистические очерки переднеазиатской России // *Зап. ИРГО по отделению статистики*. 1874. Т. 4. С. 82.
- ²⁰ *Серошевский В. Л.* Из экспедиции на о. Иессо // *Изв. ИРГО*. 1903—1905. Т. 39. Вып. 3. С. 258—259.
- ²¹ См.: *Дауллаев Б. Д.* Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 гг. // *Зап. Оренбург. отд. ИРГО*. 1881. Вып. 4. С. 99.
- ²² *Махонин.* О состоянии и хозяйстве верноподданных киргиз // *Земледел. журн.* 1827. № 19. С. 9.

Ю. Б. СЕРИКОВ
Нижнетагильский пединститут

Материальная культура мезолитического населения Среднего Зауралья

В настоящее время на территории Среднего Зауралья известно свыше 70 мезолитических памятников. Это кратковременные стоянки, сезонные и долговременные поселения с жилищами. На них найдено свыше 30 тыс. каменных изделий. Весь этот комплекс обработан при помощи статистико-типологического метода, в результате чего удалось выделить общие, особенные и единичные черты в каменном инвентаре мезолита Среднего Зауралья. При этом общие и особенные черты установлены в основном по памятникам, давшим наиболее крупные коллекции находок.

Общие черты. 1. Каменная индустрия — пластинчатая. Процент изделий из пластин составляет около 80 (Выйка II — 85,8; Кокшарово III — 78,2; Баранча II — 80,3; Серый Камень — 72; Крутяки I (северный мыс) — 84). На пластинах изготовлены все основные орудия (вкладыши, резцы, резчики, острия, скобели, наконечники стрел). На отщепках — в основном только скребки и ретушеры. Орудий на отщепах мало: на Выйке II — 2,8 %; Баранче II — 5,6; Сером Камне — 2,4; Атымье IV — 24,4 %. Высокий процент на последнем, самом северном памятнике, объясняется его спецификой и дефицитом сырья.

2. Ножевидные пластинки микролитовидного характера. Ши-